

Е.В. Изранова
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель д.ф.н., профессор В. И. Габдуллина

БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ В.Я. ШИШКОВА «СТРАННИКИ»

В современном литературоведении наметился процесс реинтерпретации произведений русской литературы 19-20 вв., истолкование которых велось критикой и литературоведением без учета заложенного в них духовного содержания. Нового прочтения с позиций аксиологического подхода требуют произведения В.Я. Шишкова как писателя, опирающегося на классическую традицию русской литературы, тесно связанную с христианским мировидением. Исследователи творчества В.Я. Шишкова отмечают, что это был глубоко верующий человек, и даже в советское время он посещал храм, причащался, общался со священнослужителями. В юности же ему довелось совершить двухнедельное путешествие на пароходе вместе с Иоанном Крондштатским (канонизированным в 1990-е годы Русской Православной Церковью), общение с которым, несомненно, оказало на него сильное влияние [1, с. 21].

Повесть В.Я. Шишкова «Странники», над которой он работал три года и закончил ее в 1930-м году, пронизана христианской символикой, несмотря на то, что писатель обратился к одной из самых больных тем послереволюционного советского времени – к теме беспризорничества. Вводя в повесть христианские символы и возводя образы своих героев к евангельским архетипам, писатель вскрывает не только социальные, но и духовные корни изображаемого явления.

Само название повести симптоматично. Понятия *странник* и *странничество* восходят к Библии, где под странниками подразумеваются все люди на земле. Так, например, в Библии читаем: «Услышь, Господи, мольбу мою и внемли воплю моему: не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои» [Пс 38:13]; «потому что странники мы пред Тобою и пришельцы, как и все отцы наши, как тень дни наши на земле, и нет ничего прочного» [Пар 29:15]. В главе 9 повести «Странники» изображена сцена похорон Спирьки по прозвищу Полторы ноги, на могиле которого устанавливают украденный с кладбища памятник с высеченной на нем надписью: «Здесь покоится прах первой гильдии купца Спиридона Ивановича Странникова». По поводу чего автор замечает: «Странников? Ну, уж это вернее верного: кто же из их шатии, из перелетных птиц, не странник?» [4, с. 64].

Очень примечателен в повести образ перевернутой баржи, под которой живут беспризорники. С точки зрения исторического контекста, образ баржи отсылает к плавучим тюрьмам, которые устраивались на транспортных судах во время Гражданской войны. Характерно, в связи с этим восприятие своего

нового убежища Филькой: «Когда проснулся, под баржей кое-где мутнели зажженные свечи в самодельных фонарях, а на воле горел костер» [4, с. 33].

В пятой главе маленькая девочка-сирота рассказывает, как она сюда попала: «Я на пароходе приплыла<...> А пароход ушел. Меня не досчитались, я маленькая потому что. Как ушел пароход, я пошла в город, в церковь. А тут баржа, гляжу. Ну, меня и пустили» (4, с. 39). Эта фраза наводит на еще один смысл образа баржи (корабля), отсылающий к Библии, в которой Церковь уподобляется кораблю, «в котором верующий находил безопасность и обретал спасение» [3, с. 305]. На сходство баржи с церковью указывает такая деталь в ее описании: «По продольной оси баржи была натянута в вышине проволока, на ней укреплены зажженные свечи» [4, с. 15], а также то, что на барже «была укреплена высокая мачта» [4, с. 20], которая «обычно имеет форму креста» [3, с. 305]. Однако девочка-сирота, ищущая защиты, попадает вместо церкви под перевернутую баржу. Таким образом, в тексте указывается на некую подмену: баржа – это перевернутая Церковь.

Баржа ассоциируется также с Ноевым ковчегом, как кораблем, предназначенным для спасения людского рода. Но в отличие от Ноева ковчега, перевернутая баржа становится прибежищем не для праведников, а для беспризорников, нищих, воров, бродяг. Перевернутая баржа в повести неоднократно называется *содомом*, *дьявольской баржей*, *непотребным местом*: «Под баржей стояли невероятный гвалт и перебранка. Все говорили повышенными, крикливыми голосами, все отборно ругались, даже малыши» [4, с. 14]. Тут царит разврат, пьют, употребляют наркотики, играют в карты и устраивают плясы под гармонь. Неоднократно в тексте беспризорники сравниваются со зверенышами. «Эх вы нелюди! Как скоты живете, как щенята умираете», – говорит в сцене похорон дед Нефед. «Нет здесь...божьегосугреву... Холодно здесь душе человеческой» [4, с. 71].

Под баржей – особый закрытый для посторонних мир, это своего рода монастырь наоборот. Предводитель всей этой шатии – Амелька Схимник (схима – чин монашества), носит монашескую скуфейку. Подобно тому, как в монастыре подвизающемуся монаху дают новое имя, здесь у каждого есть кличка, заменяющая имя. Одежду, в которой приходит новичок, отбирают и выдают отрепье, в котором ходит вся эта «богоотверженнаяшпана». Внешний вид обитателей баржи далеко не ангельский: все грязные, с какими-либо увечьями, что в литературной традиции является признаком нечистой силы («Туловище у беспризорника длинное, ноги короткие, покрытые шерстью, косолапые, ступнями внутрь» [4, с. 36]). Да и прозвища говорят сами за себя: Колька Черт, Дунька Таракан.

Все эти детали отсылают нас еще к одному смыслу образа баржи – это распространенный в средние века образ – Корабль дураков. Это символ безумного человечества, погрязшего в пьянстве и разврате, которое плывет без руля и не знает цели своего путешествия [2, с. 154]. Популярный в средние века праздник дураков предусматривал шутовские поединки и пародирование церковных обрядов. Все это имеет место в тексте повести.

Шутовское переодевание беспризорников происходит, когда они идут «на дело»: «Некоторые подкладывали под рубаху горб, скрючивали ногу и култыхали на костылях, как прирожденные калеки. Иные подвязывали под колено деревянную ногу, строили просительную физиономию, и, пригнув голову к плечу, шли с вытянутой рукой вперед, жалостно скуля: «Подайте калекке несчастному, отец – вдовец, мать – сирота» [4, с. 26]. На похоронах Спирьки Полторы ноги пародируется церковный обряд: гроба не было, гранитный памятник похитили с соседнего кладбища, «Впереди покойника шел «самодетельный» оркестр из плохонькой гармошки, трех балалаек, гитары, свистулек, рожков и барабана... Оркестр плел дикую отсебятину, кто во что горазд. Но это не столь уж важно: музыканты все-таки играли воодушевленно, почти с молитвенным усердием» [4, с. 61].

Образ девочки-подростка по прозвищу Майский цветок отсылает к образу Богоматери. Впервые она появляется в тексте сидящей на соломе и кормящей грудью ребенка [4, с. 16]. «Хороши задумчивые темные глаза ее: в них была и непонятная скорбь, и что-то детское, обиженное, такое знакомое Фильке» [4, с. 16]. Настоящее ее имя – Машка – сниженный вариант имени Мария.

Амелька приносит ей и младенцу подарки: «Вот тебе, Майский Цветок, сиська резиновая для парнишки, вот сливы, вот пряники. А это вот конь ему. – Спасибо, – ответила женщина. – Спасибо. Вон, на ящике, видишь; мне много натащили всего» [4, с. 16]. В этой сцене пародируется эпизод Библии, в котором рассказано о дарах волхвов Богоматери. Но, как и в случае с баржей, образ Богоматери переворачивается, подменяется на противоположный – образ блудницы. Ребенок Майского Цветка (названный в тексте «дряхлый младенец») появился в результате блуда, поэтому неизвестно, кто его отец. В этой же главе дается еще одно описание ее портрета: «На ее голове и на плечах – красная, по-цыгански повязанная шаль, в ушах – большие серьги обручами, на руках – дешевенькие кольца и браслеты. Напудренная, нарумяненная, с горящими черными глазами, она стояла, как владычица, важно и надменно окидывая гордым взглядом свое преисподнее царство, и, видимо, требовала внимания к себе» [4, с. 25]. Возникает ассоциация с Вавилонской блудницей из Откровения Иоанна Богослова: «...увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом» [Откр. 17:3-6]. Образ Вавилонской блудницы говорит о скором конце света. Накануне этого события Майский цветок видит пророческий сон, «что она режет беленьких барашков, вот и режет, и режет, по ножу – кровь, по рукам – кровь, баржа вдруг перевернулась и всплыла в крови» [4, с. 72]. Барашек – жертвенное животное. И действительно, девушка по прозвищу Майский Цветок и ее ребенок вскоре станут жертвами зависти и злобы, а все члены шатии, разбегутся, кто куда. Миру под баржей придет конец.

Вводя библейские образы и мотивы, автор создает христианский подтекст, который позволяет интерпретировать произведение как повесть-притчу о

времени, когда люди отвернулись от Бога. Однако название повести вселяет надежду на то, что странствия героев завершатся, и они найдут истинный Дом.

Список литературы

1. Еселев Н.Х. Шишков. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 224 с.
2. Карр-Гом С. Словарь символов в искусстве: Иллюстрированный ключ к живописи и скульптуре – М.: ООО Издательство «Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 335 с.
3. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. – М.: Крон-Пресс, 1996. – 656с.
4. Шишков В.Я. Странники: Повесть. – М.: Современник, 1979. – 431с.